

дают и с переориентацией с греко-византийских древностей на римские: почти все памятники прошли латинскую обработку.

Однако сюжетное и тематическое сходство античных памятников, переведенных в Древней Руси и в Петровскую эпоху, относительно. В древнерусской литературе античные памятники выполняли преимущественно роль беллетристики, а Петровской эпохе беллетристика вообще чужда. Не говоря уже об Эпиктете, Кебете, Сенеке — строго философской литературе, даже Эзоп и Овидий воспринимались не просто как литературные произведения. Перевод Эзопа печатается параллельно с латинским текстом — для обучения латинскому языку, а стихи Овидия переводятся прозой и сопровождаются обширными комментариями, превращающими «Метаморфозы» в комментированный свод мифов и античных сказаний. Сочинения Корнелия Непота, Валерия Максима и Ливия рассматривались не столько как исторические, сколько историософские и назидательные. Такое понимание особенно подчеркивал Симон Кохановский в «Похвале истории», помещенной в качестве предисловия к переводу 1721 г. «Увещаний и прикладов политических» Юста Липсия: «Сугубая вина поощряет нас прилежати чтению истории, первое, яко знание различных мимошедших дел некую особную утеху» доставляет, «понеже от естества желаем знати, что многими леты прежде нас содеянно бысть < . . . > вторая вина, яко чтение различных историй многую ползу приносит нам, егда нас поучает о должности приватного нашего жития, показывает притчины бед и тяжких перемен в государствах и подает советы к народному управлению».²⁰ Рассмотрению второй «вины» посвящена практически вся «Похвала», в частности Симон Кохановский пишет: «Аще добре рассуждати хощем, история ничто иное есть точию жития человеческого зеркало, яко же бо в зеркало смотрящих удобь могут помаранное лице свое отерти, тако и во историях что полезно и чесно и что худо и безчесно зделано, и что от нас подобна чесно или безчесно быти может, ясно видим».²¹ Предложенная здесь концепция истории — «наставницы государей», конечно, не нова и не оригинальна, но Симон идет дальше и заключает «Похвалу» следующими словами: «Потщахся в сем кратком предисловии моем показати многими свидетелствы коль блага, коль похвальна и полезна есть всякая история не точию на высоком достоинстве седящим и государственным дела управляющим, но и тем, которые кроме единому дому своего или кроме единого себе более отнюль не имеют что управлять»,²² — т. е. чтение истории, назидательность ее «прикладов» необходимы и обязательны для каждого человека. Особенно знаменательно почти дословное совпадение сравнения истории с «зеркалом» из предисловия к сборнику «Великое зеркало»: «Сей творец сих повестей или прикладов духовных книгу зело в лепоту Зерцало Великое нарече, ибо

²⁰ ГПБ, Ф. II. 48, л. 2.

²¹ Там же, л. 3, об.

²² Там же, л. 5.